

Ф Е Л Ь Е Т О Н Ъ.

Литературное обозрѣніе.

(Выстѣнки Европы — мартъ и апрѣль, Русская Мысль — апрѣль. Русское Богатство и Новое Слово — мартъ).

Въ апрѣльской книжкѣ «Выстѣнка Европы» окончился печатаніемъ романъ г. Боборыкина «По другому». Въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній мы дали нѣсколько характеристикъ дѣйствующимъ лицамъ. Теперь мы можемъ подвести итоги и сказать нѣсколько словъ по поводу общей мысли, какую выразилъ авторъ. За г. Боборыкинымъ издавна установилась репутація «отзывчиваго писателя»; писателя, который присматривается къ текущимъ событіямъ и лицамъ, изучаетъ ихъ (иногда, впрочемъ, довольно поверхностно) и дѣлится результатами своихъ наблюденій и размышленій съ читателями. Въ общемъ, пожалуй, такая характеристика г. Боборыкина и цѣрна; но далеко не такъ дѣло обстоитъ въ частностяхъ: не всегда г. Боборыкину удается безошибочно оцѣнить тѣ или другія явленія русской жизни, не всегда удачно онъ иллюстрируетъ данную эпоху, недостаточно вѣрно схватываетъ то, что можно назвать общимъ направленіемъ данного времени. Конечно, каждый писатель не безъ ошибокъ и даже Тургеневъ, напримѣръ, не всегда удачно характеризовалъ современную ему жизнь (достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи его «Новъ»), однако, съ другой стороны, читателю отъ этого не легче и ему желательно, конечно, видѣть въ художественномъ произведеніи насколько вѣрное изображеніе эпохи, исполнѣ правильную оцѣнку событій и яркія, рельефныя иллюстраціи текущей жизни. Въ разбѣрномъ намъ романѣ г. Боборыкина, авторъ, повидимому, желалъ выразить такую мысль: въ концѣ 70-хъ годовъ, когда «народническое»

направленіе стало разочаровываться въ своихъ идеалахъ, когда дѣйствительная жизнь выдвинула совершенно новые запросы, а затѣмъ, когда въ направленіи нашей общественной жизни за послѣднія 15—16 лѣтъ выдвинулся цѣлый рядъ реакціонныхъ міропріятій, когда, по вѣрному выраженію передовыхъ мыслителей, надъ нашимъ обществомъ сгустилась сумерки, — русская жизнь пошла «по другому» пути; появились другія птицы и заплѣли другія пѣсни. Эта эпоха отразилась, конечно, и на лицахъ, особенно на молодомъ поколѣніи интеллигенціи, и вотъ, изъ почвѣ этихъ сумерекъ вырастаютъ совершенно неожиданныя типы: въ родѣ Шпадина, вольноопредѣляющагося изъ кандидатовъ университета, гимнаста и эфеба; въ родѣ Шемядинова, ученаго новѣйшей формации, не стѣняющагося третиловать своихъ серьезныхъ противниковъ исключительно ради красиваго слова; въ родѣ Лисинова, страннаго существа, не то декадента, не то Богъ знаетъ что; въ родѣ Студенцовой, женщины безспорно умной, даровитой, женщины съ очень сложной натурой, но какъ-то неприспособленной къ серьезной, разумной дѣятельности. Нельзя не признаться, что у Студенцовой, по натурѣ и развитію, были хорошіе задатки для того, чтобы она могла быть полезнымъ членомъ общества: она способна, прекрасно образована (не въ шаблонномъ, конечно, смыслѣ, а въ смыслѣ серьезнаго университетнаго развитія), многое понимаетъ, много видѣла и изучала; въ ней такъ или иначе чувствуется сила, хотя и въ зачаточномъ только состояніи. Но вѣдь безконечно досадно, что такая даровитая натура убила свои способности и лучшие годы жизни, чертъ знаетъ, на что: на какое-то художественное тонкости, на анализированіе высшихъ чувствъ, на изученіе того, что далеко отъ людей и ихъ доподлинной неприкрашенной жизни. Она была хорошо обезпечена и потому, конечно,

ей нечего было слишкомъ заботиться о будничной, прозаической жизни, о той жизни, которою живутъ цѣлыя милліоны жителей; о тѣхъ мелочахъ и лишеніяхъ, которыя наполняютъ жизнь недостаточныхъ классовъ; о тѣхъ успѣхахъ, которыми серьезные люди занимаются ради поднятія людей изъ бѣдноты и невѣжества. Но затѣмъ, когда ея денежные дѣла разстроились и дѣйствительная жизнь показала наконецъ ей свою неприкрашенную сторону, Студенцова спасовала: она рѣшила отравиться, будучи не въ силахъ вести трудную, небезопасную жизнь. Но счастливо, его счастливо князь Дашевъ выручилъ: такъ разъ въ тотъ вечеръ, когда Студенцова рѣшила закончить свою неудавшуюся (въ слѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ) жизнь, она получила письмо, въ которомъ князь Дашевъ умолялъ протянуть ему руку. Теперь уже не таяно къ темному пувирьку, въ которомъ былъ ядъ. «Угнѣ!» беззвучно прошептала она. И такъ, вотъ какая, повидимому, основная мысль романа г. Боборыкина: показать, какъ русская жизнь пошла по другому руслу (романъ такъ и называется — «По другому») и какіе она дала плоды. Въ общемъ, конечно, мысль довольно вѣрная: «сумеречное» направленіе общественной жизни даетъ такихъ же «сумеречныхъ» и дѣятелей; въ душевой и темной атмосферѣ не могутъ расти роскошные цвѣты. Но это вѣрно только съ одной стороны; вѣрно какъ часть жизни, но не цѣлая жизнь: во всѣхъ ея проявленіяхъ, гдѣ всегда, все таки, происходитъ борьба, хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ; дѣйствительная жизнь гораздо сложнее, шире и многообразнѣе, чѣмъ ея укладываются. Обратимся въ роману г. Боборыкина. Есть-ли въ немъ хоть одинъ типъ, на которомъ можно было бы остановиться съ любовью и надеждой? Вы скажете — есть: Толкачевъ и Раасудинъ. Правда, но первый уже не принадлежитъ настоящему времени; это

дѣтели шестидесятихъ годовъ и въ настоящее время онъ только доживаетъ, завершаетъ, такъ сказать, свою дѣятельную жизнь. Другой, Разсудивъ, хотя значительно моложе, но уже такъ помѣтъ жизнью, такъ много перенесъ, благодаря своимъ убѣжденіямъ, что для настоящаго времени одной его силы слишкомъ мало. Дѣльше—кто-жъ? А дѣльше никого. Но какъ же, спроситъ читатель, мы видимъ и серьезнѣхъ зѣскихъ дѣтелей, въ родѣ покойнаго Базуева, и видимъ въ разныхъ пунктахъ нашего отечества настойчивое стремленіе расширять народное образованіе, видимъ борьбу съ невѣжествомъ, бѣдностью и пороками, видимъ борьбу за расширение общественнаго самосознанія? Значитъ, есть же люди, которые ведутъ эту борьбу, которые такъ или иначе проводятъ свои убѣжденія въ жизнь? Совершенно вѣрно, и вотъ именно въ этомъ, по нашему мнѣнію, вся ошибка г. Боборыкина. Взглянувъ изобразить цѣлое движеніе въ русской жизни, желая показать, каковы образы русской жизни съ 70-хъ годовъ пошла «по другому», г. Боборыкинъ просмотрѣлъ очень многое и далъ намъ только частіцу той жизни, которая, безъ сомнѣнія, хотя и медленно, все же движется впередъ; онъ показалъ намъ только тѣ грѣбы, которые вырости въ сумеркахъ русской жизни, и не показавъ тѣхъ живыхъ ручейковъ, которые, не считая ни на что, тихонько бѣжали и освѣжали мрачныя стороны русской жизни. Мы сами далеко не оптимисты и не имѣемъ склонности трубить въ трубы и бить въ литавры, стараясь набросить ложный колоритъ на русскую жизнь. Мы вполнѣ раздѣляемъ то грустное настроеніе, которое овладѣваетъ авторомъ при видѣ тѣхъ уродливыхъ тоновъ, каковы дала русская жизнь послѣднѣго двадцатилѣтія; мы не отрицаемъ, что такое теченіе пока, быть можетъ, и преобладаетъ; но все же, въ интересахъ справедливости, не можемъ не замѣтить, что по-

мимо этого теченія существуетъ и другое, благотворное теченіе; что оно-то, хотя и не обрѣтается въ авантюрахъ, именно судитъ оживить русскую жизнь отъ мракобѣсія и застою; а вотъ это-то теченіе авторъ и просигрѣлъ. Быть можетъ, автору не доводилось внимательно наблюдать это теченіе; быть можетъ, въ его писательской практикѣ послѣднѣго времени не встрѣчалось достаточно яркихъ личностей (извѣстно, напримеръ, что Тургеневъ создалъ своего Базарова благодаря случайной встрѣчѣ съ однимъ провинціальнымъ врачомъ, который произвелъ на него огромное впечатлѣніе), которыя бы освѣтили г. Боборыкина благотворное теченіе; тѣмъ не менѣе, нельзя сомнѣваться, что оно существуетъ, хотя, повторяемъ, быть можетъ, и не обрѣтается въ авантюрахъ.

Яркимъ подтвержденіемъ той мысли, что русская жизнь не любитъ базироваться solely, служить небольшой разсказъ г. Екпатьяевскаго—«Бѣдутъ», напечатанный въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства». Со своей стороны автору задумчивостью и поэтичностью образовъ, онъ рассказываетъ совершенно простую, обыденную исторію, какъ одинъ сильный возвращается домой въ Россію. Казалось бы, чего проще такого сюжета: жилъ человекъ гдѣ-то въ глухой деревнѣ на Ангартѣ, получалъ возможность возвратиться и вотъ путешествуетъ домой, сначала по Ангартѣ, потомъ на лошадахъ и, наконецъ, по желѣзной дорогѣ. Но прочтите самый разсказъ, и вы увидите, не такъ просто, но болѣе до самой глубины души. Вы увидите, что передъ вашими глазами проходитъ цѣлая драма, драма интимной жизни и разбитыхъ надеждъ. Василій Михайловичъ, возвращающійся въ Россію съ своей женой Варварой Павловной, по видимому, полонъ надеждъ и радостей; онъ въ высшей степени экспансивенъ и то и дѣло торжествуетъ окружающимъ и особенно жену, дѣлая свои

неподдельной радостью. Но вы с самого начала чувствуете, что тут что-то неладно, что эта веселость неестественная. И действительно, когда вы узнаете, что Василий Михайлович почти погиб для жены (он целый год находился в больнице, страдая душевной болезнью): что она потеряла все дорогое для нее в жизни: и детей, которых умерли от эпидемии (до Фельдшера 700 верст), и мужа, с которым у ней не осталось точек соприкосновения, и что теперь сама она, измученная и изстрадавшаяся, скоро сойдет с жизненного пути, — вам становится положительно тяжело. Целый рой мыслей и разнородных впечатлений вызывает рассказ г. Елпатьевского.

Таковы жизненные, «картинки» наверху, у интеллигенции. Внизу — еще безотрадные. Вот, пред вами повесть А. Н. Чехова «Мужики» («Русская Мысль» — апрель). Если бы г. Чехова можно было заподозрить в тенденциозности, мы бы назвали эту повесть тенденциозною. Такая безотрадная, мрачная картина темноты, невежества, бедности и даже отчаяния! Но факты, взятые из жизни, неподкрашенной жизни, подтверждают то, что г. Чехов показывает нам в художественных картинах. Мы приведем эти факты ниже, а теперь обратимся к повести г. Чехова. Московский лакей Николай Чикиль дров заболтал; у него отыпали ноги и потому, сделавшись неспособным к лакейской службе, он поехал к себе домой, в деревню. В воспоминаниях детства родное гитало представлялось ему светлым, уютным, удобным; теперь же, когда в заблужден, он даже испугался: так было темно, темно и нечисто. По случаю гостей поставил самовар. От чая пахло рыбой, сахар был огрызанный и стрый; но хлеба и посуды свалили тараканы; было противно пить, и разговор был противный — все о жуках да о болотах. Вскорь ввалился в

набу брать Николая — Кирьяк, высокий, черный мужик, пьяный. Подойдя к жене, он размахнулся и ударил ее кулаком по явцу, она же не дала ни одного звука, ошеломленная ударом, и только пристала, и тогда же у ней из носа пошла кровь. Взяв ее схватил Марью за руку, потащил к двери и зарычать зареветь, чтобы казаться еще страшнее; но вдруг увидев гостей и остановился.

— А, приехали... проговорил он, выпуская жену, — родной братец с семейством...

Он помолился на образ, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжал:

— Братец с семейством приехали в родительский дом из Москвы, мать горюет... Панините...

Он опустился на скамью около самовара и стал пить чай, громко хлебав из блюдца при общем молчании... Выпил чашек десять, потом склонился на скамью и захрапел.

Это наружная сторона жизни, а вот внутренняя, духовная: «Старик не врился в Бога, потому что почти никогда не думал о Нем; он признавал сверхъестественное, но думал, что это может касаться одних лишь баб, и когда говорили при нем о религии или чудесном и задавали ему какой-нибудь вопрос, то он творил нехоти, почесываясь: «А кто-ж его знает!» Баба врилась, по как-то тускло; все перемешивалось в ее памяти, и едва она начинала думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда в заботы перехватывали ее мысль, и она тотчас же забывала, о чем думала. Молитва она не помнила и обыкновенно по вечерам, когда дожились спать, становилась перед образами и шептала: «Каварской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троицкой Божьей Матери...» Марья и Оскал крепко спали, говоря каждый год, но ни

чего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не ввучали никаких правил и только запрещали в постъ есть скоромное. В прочих семьях было почти также. Мало кто врился; мало кто понимал; в то же время все любили Священное Писание, любили пжжно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга никогда читала Евангелие, ее уважали и все говорили ей «вы». Как видите, с духовной стороны жизнь не представляла никакого просвета; все в высшей степени тускло, безотрадно. Да и откуда же она может быть животворной, разумной, когда кругом бедность, темнота и невежество? «Но не было книг, некому было читать и объяснять!» Какой горечью дышат эти слова! Что бы на это возразили наши так называемые «охранители», страшно боющиеся проповедования великой книги в деревню. Ведь только одни фарисеи могут толковать о вреде книжки, о необходимости сдерживать движение к свету! Какой же искренний патриот пожалеет своему отчеству мрака и невежества? Только одна единственная светлая точка возржается в повести г. Чехова, да и то не надолго; это принос в деревню Живоносной иконы. «Громадная толпа своих и чужих загрохотала улицю, шум, шум, данка... И старик, и баба, и Кирьяк — все протягивали руки к иконе, жадно глядя на нее и говорили, впадая: заступница, матушка! Заступница! В кт будто вдруг поняла, что между землей и небом не пусто, что не все еще захватили богатые и спальные, что есть еще запага от бед, от рабской неволи, от тяжелой невыносимой нужды от страшной водки... По отслужила молебень, унесли икону, и все пошло по старому и опять посланились трактира грубые, пьяные голоса... Повторяем, можно было бы считать повесть г.

„Енисей“ (Красноярск), 1897, 13 июня, № 69, с. 2-3.

Чехова, тенденциозною, если бы картины бедности, невѣжества и отчаянія не подтверждались фактами дѣйствительной жизни. А факты говорятъ вотъ что: Въ мартовской книжкѣ «Новаго Слова», подъ общимъ заглавіемъ «Провинціальныя картинки», собранъ рядъ отзывовъ счетчиковъ, производившихъ перепись 28 января текущаго года, и вотъ эти то отзывы служатъ очень цѣннымъ матеріаломъ, такъ какъ все, что разсказывается счетчиками, взято изъ дѣйствительной жизни. Большинство крестьянскаго населенія было увѣрено, что перепись ниѣтъ цѣлю надѣлать жителей землею. Въ пензенской губ. упорно циркулировали слухи о какомъ-то невидомомъ «китайскомъ кланѣ», который долженъ быть предоставленъ крестьянамъ. Напрасно счетчики въ одномъ селеніи опровергали этотъ слухъ. Счетчики въ Елизаветградѣ описываютъ: «Всюду поражаетъ обиліе дѣтей, и я могу навѣрное сказать, что молодое поколѣніе составляетъ добрыхъ двѣ трети переписаннаго мною населенія... Я написалъ одну семью, глава которой — азвошникъ; онъ рѣдко бываетъ дома, когда вся семья въ сборѣ, — и прѣзжаетъ домой только на ночь. Онъ постоянно путаетъ имена своего многочисленнаго потомства и считаетъ его «на штуки». На ночь всю эту молодежь, полураздѣтую орду заговяжутъ въ комнату, считают и если, по проверкѣ, на лицо оказывается — 9 «штуковъ», — значитъ, всѣ дома! Попадались страшныя супружества: ему 72 года, ей 28 лѣтъ. При нихъ куча дѣтей, малъ-мала меньше, ошившаяся сука, поросятокъ и пара куръ, — вся эта компанія какою-то образомъ умудряется распредѣляться въ мизерной конуркѣ и даже находить возможность двигаться въ ней!» Въ Измаилѣ «счетчикамъ то и дѣло приходилось наталкиваться на ужасныя картины бѣдноты. Большинство жителей не могло опредѣлить своихъ занятій. «Господь вѣдастъ, чѣмъ мы живемъ», получался обык-

новенно отвѣтъ». Въ Саратовѣ галахи (мѣстное названіе бѣднаго населенія) ютятся, главнымъ образомъ, въ области Пѣнаго базара и по берегу Волги. «Типичное жилище галаха представляетъ огромную комнату съ грязными, сырими, стрыми стѣнами. Комната является общею для всѣхъ жильцовъ; на глазахъ у всѣхъ происходятъ и семейныя сцены, и драки; на глазахъ у всѣхъ и мирятся разсорившіяся пары. А населеніе комнаты — самое разнообразное: здѣсь и дѣти, и старики, и подростки, и молодые дѣвушки, и пьяныя до безобразія цѣнныя мегеры, мѣняющія по нѣскольку разъ въ день своихъ обожателей. Въ уголкѣ гдѣ-нибудь пріютилась семья несчастнаго пензяка, прішедшаго сюда на заработки. Странно какъ-то смотрѣть на ребятшекъ, собравшихся, какъ бы въ мундѣ, въ углу. Гдѣ осталась ихъ широкая деревенская уличка? Корреспондентъ тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостей, описывая еще болѣе ужасныя картины, восклицаетъ: «Вспомните все это, и я увѣренъ, вы скажете: нѣтъ, такого порядка вещей терпѣть нельзя, нужно обратиться на него самыя рѣшительныя мѣры. Что мы, образованные и счастливые люди, сдѣлаемъ для того, чтобы поднять этотъ людъ матеріально и духовно?»

Нужно ли говорить, читатель, какъ все это вѣрно и какъ мы съ вами желали, чтобы не загоразивали свѣтъ и званія для простаго, темнаго человѣка, а напротивъ давали бы ему пищу, прѣсвѣщали его и дали бы ему возможность встать самому на ноги сдѣлаться человѣкомъ, а не влечить существованіе зѣври! «Свѣту, какъ можно больше свѣту!» повторимъ слова Гете.

Сибирякъ.